

Л. Г. Дорофеева

**«ПОУЧЕНИЕ» ВЛАДИМИРА МОНОМАХА
КАК ИСПОВЕДЬ-САМООТЧЕТ: К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Жанровая форма «Поучения» Владимира Мономаха интерпретируется как «поступок» и «исповедь-самоотчет» (М. Бахтин) и связывается с тем, что способ создания текста определяется внехудожественными целями, внутренний сюжет разворачивается как исповедь. Создание «Поучения» рассматривается как деяние, определяющее способ спасения души в условиях жизни князя-мирянина.

The genre of the Instruction of Vladimir Monomakh is considered as a "deed" and "confession and self-report" (M. Bakhtin) and is related to the fact that the way a text is created is determined by non-literary considerations; the internal plot unfolds as a confession. The creation of the Instruction is interpreted as a deed, which determines the way to salvation for a lay prince.

Ключевые слова: «Поучение», Владимир Мономах, жанр, канон, древнерусская литература, исповедь.

Key words: Instruction, Vladimir Monomakh, genre, canon, old Russian literature, confession.

Исследователи выделяют в «Поучении» Владимира Мономаха три жанровые формы, считая их при этом самостоятельными частями: собственно «Поучение», «Автобиографию» (Д. С. Лихачев называет ее «Летописью» жизни Мономаха) и письмо Олегу Святославичу [6, с. 100]. Но в качестве единого произведения «Поучение» не имеет пока жанровой дефиниции. Как пишет О. В. Творогов, это «исключительно редкий по жанру памятник, имеющий лишь весьма далекие аналоги в современных ему европейских литературах» [7, с. 33].

Жанр, как известно, категория содержательно-формальная, зависящая от типа литературы и творческого метода, а также от содержательной доминанты произведения. Способ создания текста «Поучения» определяется спецификой русской средневековой книжности, а именно ее церковным, глубоко религиозным характером, что отмечают все ее исследователи. «Литература в ее наиболее высоких жанрах была как бы распространением „богослужения“ на все человечество... и на все явления обыденной жизни», — пишет Д. С. Лихачев [5, с. 620]. Но зачастую при интерпретации текста это обстоятельство не учитывается, а акцент смещается в сторону излишней политизации. Цель автора определяется как «утверждение нового политического принципа разделения Руси на ряд княжеств-вотчин» [4, с. 148]; образ Владимира Мономаха трактуется как образ «феодального правителя», «мудрого политика, храброго воина, человека высоких моральных достоинств» [7, с. 33]. Функция же цитат из Псалтири и текстов Священного Предания сводится к выражению «этической системы его политики» [4, с. 149].

Есть сегодня и иные трактовки. Так, А. Н. Ужанков говорит об эсхатологичности сознания автора и целью его «Поучения» (и как его части — послания Олегу Святославичу) считает «самообличение и покаяние перед Высшим Судьею» [9, с. 304].

На наш взгляд, при анализе «Поучения» Владимира Мономаха как средневекового текста важно учитывать два условия. 1. Принадлежность «Поучения» к «религиозно-символическому» [8, с. 100] (курсив А. Н. Ужанкова. — Л. Д.) художественному методу XI—XII вв., для которого характерно религиозно-нравственное отношение писателя к себе и миру, теоцентричность мировосприятия и непереносимое осознание своей «худости» перед лицом божественного совершенства, что отличает человека смиренного. 2. Принципиальную внехудожественность средневековой литературы, в условиях которой писатель осознает себя не творцом, а со-творцом. А создание текста является не собственно творчеством, а определенного рода *деянием* (см. об этом: [3, с. 37—46; 9, с. 228]). Соответственно, *способ создания текста — это форма жизни, деяние, поступок*. В «Поучении» этот способ определяется *смирненным типом отношения к жизни* его автора, который, конечно, пишет не собственно поучение и не собственно автобиографию и не является собственно героем своего творения. В основе этого произведения находится *«поступок и исповедь-самоотчет»* [2, с. 121] как особые формы в бахтинском понимании и терминологии [Там же]. М. Бахтин видит

зависимость этих форм от «смысловой установки героя в бытии», от «ценностной позиции в нем» [2, с. 123]. И Владимир Мономах не может являться для себя *героем*. Ведь, как пишет М. Бахтин, «в поступающем сознании, даже там, где оно дает отчет, высказывает себя, *нет героя как значимого, определяющего фактора*» (здесь и далее в цитатах курсив наш. — Л.Д.) [2, с. 23].

Рассмотрим, как реализуется жанровая форма «исповеди-самоотчета» на материале первой части произведения Мономаха — «Поучения» и как связана она с целью автора и его образом.

В первом абзаце «Поучения» мы обнаруживаем основные координаты ценностной установки автора, но встречаемся с трудностью в интерпретации, так как отсутствует часть текста, которую невозможно восстановить. Встает проблема *понимания* его смысла, что проявилось уже в переводе на русский язык. Читаем в древнерусском варианте: «Азь худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ· благословеннымъ славнымъ, нареченый въ крещении Василий, русьскимъ именемъ Володимиръ, отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мьномахы... и хрестьяныхъ людей дѣля, колико бо сблюдь по милости своей и по отни молитвѣ от всѣхъ бѣдъ!» (Многоточие означает отсутствие части текста, который не подлежит восстановлению. — Л.Д.). Д.С. Лихачев дает следующий перевод: «Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько *их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед!*» [1, с. 392, 459]. Соединяя в качестве подлежащего и сказуемого слова, принадлежащие, скорее всего, к разным предложениям («я... соблюл по милости своей»), этот перевод предлагает нам интерпретацию образа Владимира Мономаха как человека эгоцентрического типа сознания, который может «по своей милости», пусть и «по отцовской молитве», сохранять («соблюдать») людей, причем в *этом*, конкретно-историческом и биографическом времени. Но возможен ли такой взгляд на мир в текстах XI—XII вв., в которых отражено теоцентрическое мировоззрение, и нет ли здесь противоречия с *целью* героя? Может ли человек, отмечающий в начале фразы свою «худость», в конце предложения говорить о своей добродетельности, являя образец гордыни? Следующее предложение: «Сѣдя на санех (т.е. в преддверии смерти. — Л.Д.), помыслих в души своей и похвалих Бога, иже мя сихъ днєвъ грѣшнаго допроводи» [1, с. 392, 459] — делает невозможным подобное толкование. Оно переключает нас сразу в пространство иное — в сверхреальность, которая с этого момента начинает определять и всю специфику ценностно-пространственной организации текста. Теоцентричность сознания автора проявляет себя во всем. *Отношение к себе* выражено словами «азь худый», «грѣшный», демонстрирующими чувство дистанции по отношению к *главной и высшей ценности* — Богу, Который его «сихъ днєвъ грѣшнаго допроводи». Соединяя эту фразу с анализируемым выше начальным отрывком, можно предположить, что, наверное, Он же — Бог — и христианских людей «сблюдь по милости своей». Тем более, что это почти цитата из Евангелия — молитва Христа: «Отче Святыи! Соблюди их во имя Твое, [тех], которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы» [Иоан. 17:11]. Далее на протяжении всего текста неизменно проводится эта связь *души и Бога*: «Бога дѣля и душа своя» [1, с. 392], что характеризует тип отношения к миру смиренного человека. Итак, мы изначально встречаемся с *покаянно настроенной* душой, и это становится постоянным качеством образа Владимира Мономаха и главной мотивировкой в его повествовании.

Своего рода завязкой и источником внутреннего движения героя, как и дальнейшего повествования, являются слова послон, пришедших от братьев с предложением «отнять волость» у Ростиславичей, и ответ Мономаха: «Аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити» [1, с. 392].

Отказом преступить клятвенное целование креста и пойти войной на брата Мономах *нравственно и духовно самоопределяется*. Но это не просто одномоментный поступок. В «Поучении» это *самоопределение* продолжается на протяжении всего повествования и задает его основные смысловые линии, вырастая из *молитвы и покаяния* в *поучение и самоотчет* и затем возвращаясь опять в молитву и покаяние. И тогда понятно, почему «в печали разогнул» Мономах Псалтирь и обратился к Священному Писанию и текстам Предания. Благодаря этому включению читатель оказывается одновременно в историческом и духовном, ценностно-религиозном контексте, что и будет сохраняться неизменным до конца всего произведения. Цитаты из Псалтири он выстраивает «по ряду», т.е. в соответствии со своей внутренней задачей, которая и есть *исповедь-самоотчет*. Нам важна смысловая последовательность этого «ряда». Первая цитата — «Вскую печална еси, душе моя? Вскую смущаеши мя? Уповаи на Бога, яко *исповѣмся ему*» — выражает покаянный и молитвенный настрой, где главным в обращении к *своей* душе является исповедание своей веры в Бога и

прославление Его¹. А в идущих следом словах «Не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ беззаконье...» [1, с. 392] автор-повествователь обозначает свой ценностный выбор.

Вторая часть псалтырного отрывка, соединившего цитаты из 36-го и 123-го псалмов, объединена темой власти как «обладания» землей, которая раскрывается через оппозицию *грешники / праведники, кроткие / гордые* (второе – имплицитно присутствующее понятие): «кротции же наслѣдуютъ землю», а грешник «взищеть мѣста своего, и не обрящеть» [1, с. 393]; «грѣшници погыбнутъ», а праведников «утверждаетъ» Господь [Там же].

Третья часть состоит из семи псалтырных цитат, которые являют собой молитву. И это не просто ее цитирование. Это одномоментно еще и собственная молитва Мономаха. Так «чужое» слово становится для Мономаха очевидно «своим».

Обращение к детям открывается тоже цитатой из творений Василия Великого. Но она, казалось бы неожиданно, завершается обращением Мономаха к *своей душе* в духе *личного* покаяния: «О Владычице Богородице! Отъими от убогаго сердца моего гордость и буесть, да не възношюся суетою мира сего» в пустошнѣмъ семь житъи» [1, с. 394]. Эта молитва напоминает об исповедальности текста как главном его качестве.

И вот, наконец, звучит собственное слово автора, напрямую обращенное к детям. Но и оно представляет собой внутренний непрерывный диалог, работу души. Поднимается тема милости / немилости: милости Бога и немилости человека грешного. Перед нами разворачивается духовная брань человека – автора-повествователя – *со своей* немилостью, ненавистью, мстительностью павшего своего естества: «Мы человекѣ, грѣшнѣ суще и смертнѣ, то оже ны зло створить, то хоцемъ ѿ пожрети и кровь его прольяти вскорѣ...» [1, с. 393–394].

После собственного обращения к детям, в котором он был учителем и наставником, Мономах опять становится молитвенником, предстоящим Творцу, и весь устремляется в Горнее пространство и время, передавая свое ощущение присутствия благодати Божией в мире, искание ее и погружение в эту дарованную благодать, что рождает в его душе хвалу Богу. И довольно пространный отрывок (от вопроса «Что есть человекъ, яко помниши ѿ?» до предложения «Да иже не хвалить тебе, Господи, и не вѣруеть всѣмъ сердцемъ и всею душею во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да будетъ проклятъ» [1, с. 394]) представляет собой сочетание слова священного и собственной молитвы Мономаха. *Молитва*, которой так много в «Поучении», – и есть идеальная форма выражения синергии (соединения двух волей – Бога и человека), она же и является *одной из главных форм исповеди-самоотчета*.

Таким образом, специфика собственно «Поучения» – первой части всего произведения Мономаха – определяется обращением автора-повествователя к Священному Преданию, в котором он живет и из которого говорит. Само написание этого текста есть *передача способа спасения*. А это возможно только из личного опыта религиозной жизни и из покаянного собственного чувства. Так и происходит в тексте: Мономах вначале самоопределяется в отношении к Богу и своей душе и затем, из смиренного предстояния перед Истиной, он, пропуская ее через себя, свой опыт, дальше в любви *передает* ее своим чадам уже как духовный наставник. И при всей нацеленности автора к жизни основной и самый пронзительный мотив здесь – мотив смерти как предстания человека перед Страшным судом: «Се же вы конецъ всему: страхъ Божий имѣйте выше всего» [1, с. 395]. Так идея и цель спасения души определяют содержание наставлений Мономаха, которые отражают собственное его движение души, его духовную борьбу и выражены в формах *исповеди-самоотчета*.

Список литературы

1. *Поучение Владимира Мономаха* // Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы: XI – начало XII века. М., 1978.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. *Левшин Л.* История восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. Минск, 2001.
4. *Лихачев Д.С.* Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. 2-е изд. М., 1979.
5. *Лихачев Д.С.* От Илариона и до Аввакума // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга третья. М., 1994.
6. *Лихачев Д.С.* Владимир Всеволодович Мономах // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1.

¹ В словаре протоиерея Григория Дьяченко находим следующее толкование слова «исповѣдание»: 1) прославление, слава, величие; 2) открытое признание; 3) учение веры, открыто признаваемое [10].

7. *Творогов О. В.* Владимир Всеволодович Мономах // Литература Древней Руси. Библиографический словарь / сост. Л. В. Соколова; под ред. О. В. Творогова. М., 1996.

8. *Ужанков А. Н.* О проблемах периодизации и специфике развития русской литературы XI – первой трети XVIII века. Калининград, 2007.

9. *Ужанков А. Н.* Стадиальное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII века. Теория литературных формаций. М., 2008.

10. *Дьяченко Г. М.*, протоиерей. Полный церковно-славянский словарь. М., 1900. URL: <http://www.slavdict.narod.ru>

Об авторе

Л. Г. Дорофеева – канд. филол. наук, доц., РГУ им. И. Канга, slavphil@newmail.ru

Author

Dr. L. G. Dorofeyeva, Associate Professor, IKSUR, slavphil@newmail.ru